

сформированіе ея людьми, должны быть зачтены въ табельную потребность бригады.

18) Нижніе чины, назначаемые въ постоянный составъ рабочей бригады, должны вполне удовлетворять своему назначенію; промѣ того, унтеръ-офицеры и саперы выбираются непременно изъ числа хорошо грамотныхъ; послѣдніе же, сверхъ того, должны быть вполне знакомы съ способами производства земляныхъ работъ.

19) Штрафованные назначаются въ бригаду преимущественно младшихъ сроковъ службы и выбираются вышочномъ основаніи 11-го пункта Положенія о 2-й рабочей бригадѣ.

20) Начальники частей отвѣтствуютъ за правильный выборъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, назначаемыхъ на сформированіе рабочей бригады.

21) Разрѣшается нижнимъ чинамъ, переведеннымъ въ бригаду, донашивать безъ передѣлки принесенную ими изъ войскъ одежду; обмундированіе же на послѣдующіе сроки должно быть строимо по установленной для формируемой бригады формѣ. Офицерамъ, назначеннымъ въ бригаду, разрѣшается донашивать прежнюю форму въ теченіе одного года со времени сформированія бригады.

№ 8.

РѢШЕНІЕ ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА.

1868 года марта 1-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ дѣло по протесту помощника военного прокурора полковника Максимова и по кассационной жалобѣ защитника подсудимаго младшаго писаря унтеръ-офицерскаго званія кронштадтской крѣпостной артилеріи *Василія Табурова*, на состоявшійся объ этомъ писарѣ приговоръ петербургскаго военно-окружнаго суда. Изъ дѣла видно, что петербургскій военно-окружной судъ, признавъ писаря Табурова виновнымъ въ утайкѣ найденныхъ имъ трехъ облигацій с.-петербургскаго городского кредитнаго общества, въ 100 рублей каждой, при увеличивающихъ вину обстоятельствъ, на основаніи статьи 504 (пункта 2) и статьи 510 книги I „Военно-Уголовнаго Устава“, примѣчанія къ § II (л. б.) статьи 3, приложенія къ статьѣ 5 (пунктъ V по I степени) и приложенія къ статьѣ 64 (по 4 пункту) Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1867 года правилъ, приговорилъ Табурова къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ, съ исключеніемъ изъ службы и съ лишеніемъ унтеръ-офицерскаго званія, то есть къ названію, соответствующему одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ по первой степени. Противъ сего рѣшенія помощникъ военного прокурора полковникъ Максимовъ представилъ протестъ, въ которомъ объяснить, что при назначеніи писарю Табурову наказанія за утайку найденныхъ облигацій военно-окружнымъ судомъ нарушена 92 статья Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1867 года правилъ, на основаніи которой степень слѣдующаго Табурову одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ, по однородности сего наказанія съ опредѣляемымъ за то же преступленіе 169 статьею „Устава о наказаніяхъ, налагае-

ныхъ мировыми судьями“, должна быть сообразована съ этимъ послѣднимъ наказаніемъ, а какъ на основаніи означенной статьи виновнымъ въ кражѣ на сумму не свыше трехсотъ рублей опредѣляется заключеніе въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, — что, по приложенію къ статьѣ 5 правилъ 15-го мая 1867 года, соответствуетъ 4-й степени одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ, — то вслѣдствіе сего и на основаніи 4 пункта приложенія къ статьѣ 64 тѣхъ же правилъ, Табуровъ долженъ быть приговоренъ за совершенное имъ преступленіе къ заключенію въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства на срокъ до шести мѣсяцевъ съ оставленіемъ отъ службы и съ лишеніемъ утерь-офицерскаго званія согласно 50, 51 и 64 статей означенныхъ правилъ. Съ своей стороны и защитникъ подсудимаго, въ поданной имъ кассационной жалобѣ, указывая также на нарушеніе судомъ 92 статьи правилъ 15-го мая 1867 года, объяснилъ, что какъ въ дѣлѣ о Табуровѣ нѣтъ увеличивающихъ вину его обстоятельствъ, то ему должно быть назначено наказаніе, соответствующее 5 степени одиночнаго заключенія. Разсмотрѣвъ приведенныя въ протестъ помощника военнаго прокурора и кассационной жалобѣ защитника подсудимаго основанія и сообразивъ оныя съ законами, главный военный судъ, по выслушаніи заключенія товарища главнаго военнаго прокурора, находить, что писарь Табуровъ признанъ военно-окружнымъ судомъ виновнымъ въ утайкѣ найденныхъ имъ трехъ облигацій на сумму не свыше трехсотъ рублей. За преступленіе это, признаваемое закономъ (статья 504 I книги „Военно-Уголовнаго Устава“) воровствомъ-кражею, на основаніи примѣчанія къ § II (л. б.) статьи 3 Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1867 года правилъ, виновнымъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, не пользующимся особенными правами состоянія, полагается одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ. При опредѣленіи мѣры сего наказанія военно-окружной судъ обязанъ былъ руководствоваться статьею 92 Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1867 года правилъ, на основаніи которой большая или меньшая строгость наказанія *по общимъ преступленіямъ или проступкамъ* военно-служащихъ, за которые въ „Военно-Уголовномъ Уставѣ“ и въ Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ положены одинаковаго рода наказанія, опредѣляется согласно Уложенію. На семь основаній и имѣя въ виду, что по 169 статьѣ Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, виновнымъ въ кражѣ предмета на сумму не свыше трехсотъ рублей назначается тюремное заключеніе отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, которое, по таблицѣ, приложенной къ статьѣ 5 Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1867 года правилъ, соответствуетъ 4 и 5 степенямъ одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ, замѣняемаго, по приложенію къ статьѣ 64 тѣхъ же правилъ, военно-окружной судъ долженъ былъ приговорить писаря Табурова, какъ несостоящаго на срочной службѣ и не пользующагося особенными правами состоянія, не къ замѣнѣ 1 степени заключенія въ военной тюрьмѣ, а къ замѣнѣ сего наказанія по 4 степени, то есть къ заключенію въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства на срокъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, съ отставленіемъ отъ службы и съ лишеніемъ утерь-офицерскаго званія. По симъ соображеніямъ и выходя, что

по настоящему дѣлу не усматривается нарушенія обрядовъ и формъ судопроизводства, а допущено только неправильное примѣненіе къ осужденному мѣры наказанія, главный военный судъ опредѣляетъ: состоявшійся по настоящему дѣлу, 3-го февраля сего года, приговоръ петербургскаго военно-окружнаго суда отмѣнить и, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1867 года правилъ примѣчанія къ § II (лит. б.) статьи 3, приложенія къ ст. 5, приложенія къ статьѣ 64 и 92 статьи, Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, статьи 169, и „Военно-Судебнаго Устава статей 923 и 960, писаря Табурова заключить въ тюрьму гражданскаго вѣдомства на шесть мѣсяцевъ, съ отставленіемъ отъ службы и съ лишеніемъ унтеръ-офицерскаго званія. Что же касается просьбы защитника подсудимаго о назначеніи писарю Табурову наказанія, соответствующаго 5 степени одиночнаго заключенія, то просьбу эту оставить безъ уваженія, такъ какъ изъ дѣла видно, что петербургскій военно-окружной судъ, постановляя приговоръ о Табуровѣ, призналъ его виновнымъ въ совершеніи преступленія при увеличивающихъ вину его обстоятельствеѣхъ.

№ 9.

РѢШЕНІЕ ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА.

1868 года марта 1-го дня. По увазу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ дѣло по протесту помощника военнаго прокурора коллежскаго совѣтника Юрлова на приговоръ московскаго военно-окружнаго суда о рядовомъ 2-го гренадерскаго Ростовскаго принца Фридриха Нидерландскаго полка *Александрѣ Тереховѣ*. Изъ дѣла видно, что рядовой Тереховъ, состоя на службѣ съ января мѣсяца 1863 года, былъ четыре раза наказанъ розгами отъ 15 до 120 ударовъ за самовольныя отлучки, пьянство и вообще дурное поведеніе, причемъ три раза онъ подвергнутъ сему наказанію по суду, а одинъ разъ по распоряженію ротнаго командира. За сѣмъ въ концѣ 1867 года подсудимый Тереховъ вновь былъ преданъ суду за пьянство, самовольную отлучку и неисправно-дурное поведеніе. Московскій военно-окружной судъ, упомянувъ въ своемъ приговорѣ о томъ, что подсудимый Тереховъ три раза подвергался наказаніямъ по суду, и признавъ его виновнымъ въ самовольной отлучкѣ и пьянствѣ, нашелъ, что еще не всѣ мѣры, поименованныя въ положеніи о взысканіяхъ дисциплинарныхъ, были приняты къ исправленію рядоваго Терехова, а потому, на основаніи 249 статьи I книги „Военно-Уголовнаго Устава“ и Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1867 года правилъ ст. 83 и приложенія къ статьѣ 64 (степени 1), 25-го января настоящаго года приговорилъ его, при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, вслѣдствіе повторенія одного и того же преступленія, къ наказанію розгами двумястами ударами. На этотъ приговоръ помощникъ военнаго прокурора коллежскій совѣтникъ Юрловъ представилъ въ установленный срокъ протестъ, въ которомъ объясняетъ, что военно-окружной судъ: во-первыхъ, допустилъ неправильное толкованіе закона, изложеннаго въ §§ 14 и 15 положенія о взысканіяхъ дисциплинарныхъ, ибо признавъ, что къ исправленію подсудимаго не были приняты всѣ мѣры, указанныя

въ семь положеніи, и приговорилъ его, за самовольную отлучку и пьянство, къ наказанію розгами 200 ударовъ, тогда какъ въ дѣлѣ о Тереховѣ существуютъ всѣ признаки неисправимо-дурнаго поведенія и подсудимый этотъ, состоящій въ разрядѣ штрафованныхъ и наказанный уже по распоряженію начальства розгами, по точному смыслу § 15 положенія о взысканіяхъ дисциплинарныхъ, долженъ быть признаваемъ виновнымъ въ неисправимо-дурномъ поведеніи и согласно 475 (по 4 прод.) статьи I книги „Военно-Уголовнаго Устава“, 14 и 15 §§ Положенія о взысканіяхъ дисциплинарныхъ, подлежитъ отдачѣ въ военно-исправительныя роты; во-вторыхъ, судъ въ противность 817 статьи „Военно-Судебнаго Устава“, во 2 пунктѣ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію его, соединилъ два вопроса: виновенъ ли подсудимый въ дурномъ поведеніи и были ли приняты къ его исправленію всѣ мѣры, указанныя въ положеніи о взысканіяхъ дисциплинарныхъ; но отвѣта на первый изъ этихъ вопросовъ судомъ вовсе не дано, а второй вопросъ вовсе не имѣлъ мѣста, такъ какъ оный положительно разрѣшается въ § 14 положенія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, а въ-третьихъ, судъ, вопреки 851 статьи „Военно-Судебнаго Устава“, не прописалъ въ приговорѣ своемъ предмета обвиненія, т. е. всѣхъ взысканій, которыми подвергался рядовой Тереховъ и которыя слѣдовало принять въ соображеніе при постановленіи о немъ приговора по обвиненію въ неисправимо-дурномъ поведеніи. Разсмотрѣвъ приведенныя въ протестѣ помощника военнаго прокурора основанія къ отиженію приговора московскаго военно-окружнаго суда о рядовомъ Тереховѣ и сообразивъ оныя съ законами, главный военный судъ, по выслушаніи заключенія товарища главнаго военнаго прокурора, находитъ, что въ положеніи о дисциплинарныхъ взысканіяхъ (продолженія къ статьѣ 230 книги I „Военно-Уголовнаго Устава“, по V приложенію) въ § 14 изложены послѣдовательно всѣ дисциплинарныя взысканія, которыми подвергаются нижніе чины, состоящіе въ разрядѣ штрафованныхъ, причѣмъ высшею мѣрою сихъ взысканій опредѣлено наказаніе розгами до 50 ударовъ; затѣмъ въ § 15 положенія, между прочимъ, опредѣлено, что въ случаяхъ, когда опредѣленныя закономъ для штрафованныхъ нижнихъ чиновъ мѣры дисциплинарныхъ взысканій окажутся безуспѣшными, виновные отдаются, по приговору военнаго суда, въ военно-исправительныя роты. Имѣя въ виду, что въ изложенномъ § 15 положенія не опредѣлено, чтобы штрафованныхъ нижнихъ чиновъ, подвергнутыхъ уже однажды наказанію розгами, при вновь содѣянномъ имъ проступкѣ признавать виновными въ неисправимо-дурномъ поведеніи и приговаривать къ отдачѣ въ военно-исправительныя роты, и принимая во вниманіе, что ни въ положеніи о взысканіяхъ дисциплинарныхъ, ни въ другихъ уваженіяхъ, дѣйствующихъ по военному вѣдомству, не содержится точнаго и положительнаго указанія на тѣ признаки, при которыхъ состоящій въ разрядѣ штрафованныхъ нижній чинъ долженъ быть признаваемъ виновнымъ въ неисправимо-дурномъ поведеніи, главный военный судъ находитъ, что разрѣшеніе сего вопроса воплнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія суда, который, на основаніи 822 статьи „Военно-Судебнаго Устава“, долженъ разрѣшить оный единственно по внутреннему своему убѣж-

денію; основанному на обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла. На семъ основаніи главный военный судъ признаетъ, что протестъ помощника военного прокурора, доказывающаго, что обнаруженными по дѣлу о рядовомъ Тереховѣ обстоятельства содержатъ въ себѣ всѣ признаки неисправимо-дурнаго поведенія подсудимаго, не подлежатъ, въ семъ отношеніи, разсмотрѣнію. Разнымъ образомъ не подлежитъ разсмотрѣнію главного военного суда и заявленіе помощника прокурора относительно неправильной постановки и разрѣшенія военно-окружнымъ судомъ вопросовъ по настоящему дѣлу, ибо на основаніи правилъ „Военно-Судебнаго Устава“, военные суды не обязываются, подобно судамъ гражданского вѣдомства, предлагать подлежащія разрѣшенію ихъ вопросы по существу дѣла на предварительное разсмотрѣніе сторонъ, а вслѣдствіе того сіи послѣдніе и не могутъ ни давать по онымъ своимъ заключеніямъ, ни заявлять протестовъ и жалобъ по этому предмету. Обращаясь за симъ къ другимъ обстоятельствамъ, изложеннымъ въ протестѣ помощника военного прокурора, главный военный судъ находитъ, что московскій военно-окружной судъ, освободивъ подсудимаго рядового Терехова отъ обвиненія въ неисправимо-дурномъ поведеніи и признавъ его виновнымъ лишь въ самовольной отлучкѣ и пьянствѣ, приговорилъ его къ наказанію розгами 200 ударами по 249 ст. I кн. „Военно-Уголовнаго Устава, въ которой содержится только опредѣленіе значенія отлучки нижнихъ чиновъ отъ мѣста службы въ различіе отъ побѣга, но не назначается мѣра наказанія за оную; между тѣмъ какъ отлучка нижнихъ чиновъ, такъ и нетревое ихъ поведеніе означены въ §§ 5; 33 и 34 положенія о взысканіяхъ дисциплинарныхъ. Посему военно-окружной судъ, если не призналъ Терехова виновнымъ въ неисправимо-дурномъ поведеніи, и нашелъ его изблеченнымъ лишь въ отлучкѣ и пьянствѣ, обязанъ былъ примѣнить къ нему одно изъ наказаній, назначаемыхъ положеніемъ о взысканіяхъ дисциплинарныхъ, а не замѣну одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ, которое назначается по судебному приговору и въ указанныхъ закономъ случаяхъ. Кромѣ того, главный военный судъ находитъ, что въ дѣлѣ о рядовомъ Тереховѣ, преданномъ суду по обвиненію въ неисправимо-дурномъ поведеніи, предметы обвиненія, сверхъ проступка, подавшаго поводъ къ такому обвиненію, составляютъ и всѣ прежнія взысканія, коимъ подвергался подсудимый до преданія его суду, почему въ приговорѣ объ этомъ рядовомъ, на точномъ основаніи 851 статьи „Военно-Судебнаго Устава“, надлежало означить всѣ взысканія, которыя были на него налагаемы до преданія его суду и которыя упомянуты въ обвинительномъ актѣ и въ заключительныхъ по судебному слѣдствію преніяхъ; между тѣмъ московскій военно-окружной судъ, какъ видно изъ приговора его о подсудимомъ Тереховѣ, означилъ въ ономъ только тѣ взысканія, коимъ онъ подвергнутъ былъ по судебнымъ приговорамъ, и ничего не упомянулъ о томъ, что послѣ сихъ взысканій, онъ, состоя въ разрядѣ штрафованныхъ, подвергся одинъ разъ тѣлесному наказанію по распоряженію ротнаго командира. Усматривая въ подобномъ нарушеніи правилъ 851 статьи „Военно-Судебнаго Устава“, согласно съ протестомъ помощника военного прокурора,

существенное нарушение формы, установленной закономъ для постановленія окончательныхъ судебныхъ приговоровъ, представляющее возможность предполагать, что московскимъ военно-окружнымъ судомъ, при постановленіи окончательнаго приговора по дѣлу о рядовомъ Тереховѣ, не были приняты въ соображеніе всѣ предметы обвиненія, главный военный судъ, принимая во вниманіе, что по настоящему дѣлу допущено, сверхъ того, неправильное примѣненіе къ винѣ подсудимаго закона о наказаніи, опредѣляетъ: состоявшійся 25-го января сего 1868 г. приговоръ московскаго военно-окружнаго суда о рядовомъ Алексѣѣ Тереховѣ, на основаніи 961 и 962 статей „Военно-Судебнаго Устава“, отмѣнить, предоставивъ сему суду постановить по сему дѣлу новый приговоръ въ другомъ составѣ присутствія.

№ 10.

РѢШЕНІИ ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА.

1868 года марта 15-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ дѣло по протесту помощника военнаго прокурора, надворнаго совѣтника Морозова, на приговоръ временнаго военнаго суда, учрежденнаго въ городѣ Петрозаводскѣ, о рядовомъ петрозаводскаго губернскаго баталіона *Михаилъ Маньковъ*. Изъ дѣла видно, что подсудимый рядовой Маньковъ, состоя въ 3 ротѣ означеннаго баталіона, 27-го ноября 1867 года, бывъ въ нетрезвомъ видѣ, обратился къ унтеръ-офицеру той же роты Герасимову съ требованіемъ о возвращеніи своихъ часовъ, заложенныхъ ему за 4 руб., предлагая въ уплату сего долга только 3 руб.; когда же Герасимовъ просилъ отдать ему весь долгъ сполна, то Маньковъ началъ бранить сего унтеръ-офицера неприличными словами, и затѣмъ, схвативъ штыкъ, лежавшій въ пирамидѣ, сказалъ: „миѣ все равно“; но находившійся при этомъ унтеръ-офицеръ Воражевъ приказалъ Манькову отдать ему штыкъ, который Маньковъ и отдалъ безъ всякаго сопротивленія. Временной военный судъ, учрежденный въ городѣ Петрозаводскѣ, признавая означенныя дѣйствія рядоваго Манькова дерзостью противъ старшаго и буйствомъ въ нетрезвомъ видѣ, предусмотрѣнными въ § 5 положенія о взысканіяхъ дисциплинарныхъ, нашелъ, что за эти проступки рядоваго Манькова, состоящаго въ разрядѣ штрафованныхъ, слѣдовало бы подвергнуть, на основаніи 14 и 33 §§ того же положенія, одиночному заключенію въ темномъ карцерѣ на восемь дней; но, принимая во вниманіе двухмѣсячное содержаніе его подѣ арестомъ при слѣдствіи, судъ, 8-го февраля сего 1868 года, опредѣлялъ: на основаніи приведенныхъ законовъ, а также статьи 1 Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1867 года правилъ и пункта 4 статьи 153 Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, рядоваго Манькова подвергнуть одиночному заключенію въ темномъ карцерѣ на шесть дней. Противъ постановленнаго на семъ основаніи приговора помощникъ военнаго прокурора, Надворный совѣтникъ Морозовъ, представилъ протестъ, въ которомъ объяснилъ, что по дѣлу сему допущено неправильное толкованіе закона при опредѣленіи преступ-

ленія подсудимаго и рода наказанія, такъ какъ судъ не принималъ къ проступку подсудимаго статью 240 книги I „Военно-Уголовнаго Устава“, опредѣляющую наказаніе рядовымъ за оскорбленіе *своего* унтеръ-офицера или сельдфебеля; между тѣмъ слову „свой“, по мнѣнію его, помощника прокурора, нельзя придавать тѣснаго смысла, подразумевая подъ онымъ только своего отдѣленнаго или взводнаго унтеръ-офицера, такъ какъ при разныхъ нарядахъ по службѣ и на ученіи всякій унтеръ-офицеръ той же роты часто долженъ становиться для рядоваго непосредственнымъ начальникомъ. Наконецъ, нельзя не признать нарушеніемъ дисциплины и того, чтобы рядовой одного отдѣленія, расположеннаго въ одной казармѣ съ другимъ, могъ прійти къ унтеръ-офицеру послѣдняго отдѣленія и поносить его, какъ лицо постороннее, не нарушая дисциплины болѣе тѣхъ размѣровъ, за которые опредѣляется дисциплинарное взысканіе. А какъ въ этихъ видахъ состоялось и преданіе рядоваго Манькова суду, то слѣдующее ему наказаніе и должно быть опредѣлено не на основаніи положенія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, а согласно „Военно-Уголовному Уставу“, именно по третьей степени 48 статьи правилъ, Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1867 года. По разсмотрѣніи изложенныхъ въ протестѣ помощника военнаго прокурора соображеній и по выслушаніи заключенія главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что на основаніи 240 статьи книги I „Военно-Уголовнаго Устава, рядовой, за оскорбленіе *своего* унтеръ-офицера, наказывается прогнаніемъ сквозь строй шпидрутенами, но притомъ ни въ означенной статьѣ, ни въ другихъ частяхъ „Свода Военныхъ Постановленій“ не содержится положительнаго разъясненія: какого именно унтеръ-офицера должно подразумевать подъ названіемъ *своего*. Но съ другой стороны въ 408 статьѣ I книги III части сего „Свода“ находится правило, на основаніи котораго всякій рядовой подъ именемъ начальника долженъ разумѣть не только офицера своего полка *или унтеръ-офицера своей роты*, но и всякаго офицера россійскаго войска. При сравненіи означенныхъ двухъ статей вполнѣ объясняется точный смыслъ статьи 240 книги I „Военно-Уголовнаго Устава“, которая подъ словами „своего унтеръ-офицера“ подразумеваетъ всякаго унтеръ-офицера той же роты, въ которой состоитъ на службѣ нижній чинъ. Посему главный военный судъ, признавая, что къ поступку подсудимаго Манькова, согласно протесту помощника военнаго прокурора, должна быть примѣнена означенная статья, на основаніи 960 статьи „Военно-Судебнаго Устава“, опредѣляетъ: приговоръ временнаго военнаго суда по дѣлу о рядовомъ Маньковѣ отмѣнить. За симъ, имѣя въ виду, что установленное приведенное 240 статью I книги „Военно-Уголовнаго Устава“ наказаніе шпидрутенами за преступленіе по службѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ 12-го марта 1865 года, замѣняется или тѣлеснымъ наказаніемъ, или отдачею въ военно-исправительныя роты по усмотрѣнію суда и принимая въ соображеніе, что оскорбленіе унтеръ-офицеру нанесено рядовымъ Маньковымъ не при исполненіи обязанностей службы и по дѣлу, не касающемуся службы, и что временной военный судъ не призналъ

въ дѣйствіяхъ Манькова увеличивающихъ вину обстоятельствъ, главный военный судъ опредѣляетъ: рядового Манькова, на основаніи приведенныхъ 240 статьи I книги „Военно-Уголовнаго Устава“ и приказа 12-го марта 1865 года, наказать розгами ста пятидесятью ударами, оставивъ въ разрядѣ штрафованныхъ. Вѣсть съ тѣмъ главный военный судъ не можетъ не обратить вниманія временнаго военнаго суда, что охраненіе порядка службы и военной дисциплины составляетъ существенную и главнѣйшую обязанность военнаго суда, и что въ виду той важности, которую придавало мѣстное военное начальство поступку рядового Манькова, а также по соображеніи съ преждепосенными Маньковымъ възстаніями и нахожденіемъ его въ разрядѣ штрафованныхъ, временной военный судъ, если и признавалъ его подлежащимъ дисциплинарному възстанію, то обязанъ былъ назначить ему болѣе строгое наказаніе, нежели содержаніе въ вѣрцѣхъ на шесть дней.

II.

ЦИРКУЛЯРЫ ПО ГЛАВНОМУ ШТАБУ.

9-го марта, № 53.

На основаніи § 20 положенія о военныхъ училищахъ (объявл. при прик. по воен. вѣдом. 24-го іюня 1867 г., за № 243), состоящіе въ войскахъ юнкера и унтеръ-офицеры изъ вольноопредѣляющихся удостоиваются къ переводу въ назанныя училища по надлежащемъ удостовѣреніи командирами частей о способности ихъ и поведеніи.

Между тѣмъ, нѣкоторые юнкера, переведенные изъ войскъ въ военныя училища, иногда не оправдываютъ атестацій войсковаго начальства и по неодобрительному поведенію выписываются изъ училищъ ранѣе окончанія полнаго курса.

Во избѣжаніе на будущее время подобныхъ случаевъ, главный штабъ, по приказанію военнаго министра, объявляетъ по военному вѣдомству, чтобы начальники частей, при удостоеніи юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ къ переводу въ военныя училища, атестаціи о ихъ поведеніи дѣлали съ самою строгою разборчивостію.
